
ИСТОРИЯ

УДК 94(47)

Статья посвящена изучению личности и деятельности императора Александра I в трудах современников и исследователей XIX в. Эпоха Александра I была насыщена яркими событиями во внутренней и внешней политике. Основное внимание автора уделено личности императора, его окружению, влиянию на общественно-политическую жизнь и развитие общества.

Ключевые слова: император Александр I, эпоха, внутренняя политика, внешняя политика, общество, общественное мнение.

This article is dedicated to investigations of the Alexander's age and the personality of the Russian emperor in works by his contemporaries and researches of the 19th century. The age was rich in domestic events as well as a foreign policy. The author gives a special consideration to the Alexander's personality, which had a great impact on the social and political development of the Russian society.

Key words: Emperor Alexander I, age, domestic policy, foreign policy, society, public opinion.

А. В. Борисова

Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова

E-mail: alinafox@mail.ru

Образ императора Александра I в трудах современников и исследователей XIX в.

Научная статья

A. V. Borisova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: alinafox@mail.ru

The Image of Alexander I in the Works of His Contemporaries and Researchers of the 19th Century

Scientific article

Император Александр I являлся одним из тех государей в российской истории, чья жизнь и деятельность привлекала активное внимание современников и продолжает вызывать интерес у исследователей и сегодня. Во многом причиной тому была личность самого правителя, которого за 200 лет наградили многочисленными эпитетами – от «ангела» до «деспота». Авторы исследовательских работ в своих оценках политического курса, успехов и неудач внешней политики основываются, в том числе, и на отзывах современников об Александре I.

Одними из наиболее значимых мемуаров по данной теме являются записки Адама Чарторыйского. Их автор – представитель польского княжеского рода, друг Александра, член Негласного комитета. Воспоминания Чарторыйского охватывают период юности и первых лет правления молодого государя. Адам Ежи – один из немногих, кто оставил для истории рассказы о беседах с Александром Павловичем

в дни царствования Екатерины II и Павла I, впечатления о характере и взглядах будущего императора.

Важное место по значению сообщаемых сведений занимают произведения П. А. Вяземского. Он принимал участие в работе над проектом российской Конституции, обсуждении возможностей освобождения крестьян в 1820 г. Практически только Петр Андреевич зафиксировал на страницах своих записок отношение Александра I к конституционному проекту, разработанному для Российской империи, к возможности его реализации.

Совершенно очевидно, что программу действий любого государя в значительной степени определяют качества его характера. Поэтому особенно интересно выявить круг мнений об императоре как человеке. Среди тех, кто зафиксировал свои наблюдения на страницах мемуаров, мы найдем людей как ближайшего окружения Александра I, так и далеких от придворной жизни. Оценки и мнения различны,

© Борисова А. В., 2010

что явилось отражением противоречивой натуры самого императора и уровнем информированности авторов.

Мемуары современников составляют обширную группу источников для изучения названной темы. В них отразились многие факты биографии императора Александра I. Авторы можно разделить на две большие группы: отечественных деятелей и иностранцев. Среди первых мы встретим как друзей и соратников государя, так и представителей оппозиционного направления общественной мысли; среди вторых – иностранцев на русской службе и путешественников. Несмотря на разницу в происхождении и социальном статусе авторов, каждое замечание о жизни и деятельности императора является для нас особенно ценным. Безусловно, глубина размышлений об Александре I и эпохе в целом определялась не только и не столько близостью современника ко двору, сколько способностью видеть внутреннее содержание процессов и явлений, отстраняться от внешних, подчас достаточно ярких, проявлений личного обаяния императора, который мог расположить к себе людей различных взглядов и убеждений.

О воспитании и образовании будущего государя сказано немало. Отметим лишь некоторые аспекты, связанные с формированием характера и взглядов будущего государя. Один из ближайших друзей великого князя указывал, что Александром принципы французской революции были восприняты с крайним энтузиазмом. «Хотя я и сам был рожден и воспитан в республике, ... в наших беседах я обнаруживал более рассудительности и умерял крайние мнения великого князя» [1]. А. Чарторыйский отмечал очень эмоциональное отношение Александра к проблеме свободы, которая, по мнению великого князя, должна принадлежать всем людям. В то же время дальше рассуждений дело не продвигалось. Александр усваивал примеры из прошлого Европы, мало вникая в ход дел внутри самой России.

Юный наследник был мечтателем, с восторгом смотревшим на «сельские работы, полевые труды...», не сознавая обратной стороны «идиллии». При этом нельзя говорить о том, что Александр только предавался грезам. Он весьма определенно представлял масштабы деятельности правителя такой империи, как Российская. Не случайно, еще будучи великим князем, он признавался другу: «Мое положение меня не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера... Я сознаю, что рожден не для того сана, который ношу теперь, и еще менее для предназна-

ченного мне в будущем...» [2]. Ответственность и труд государя его пугали, и он, возможно, понимал, что не обладает необходимыми для правителя качествами.

Характерной чертой личности будущего императора была склонность к идеализму, мечтательность. Отчасти причиной тому была система обучения Ф. Лагарпа, строившего свои уроки на примерах древности. Изучение политического опыта Древней Греции и Рима уводило Александра от российской действительности, в которой он так и не смог разобраться. Еще в 1796 г. великий князь говорил о своих мечтах А. Чарторыйскому, который отмечал, что взгляды Александра были первыми ступеньками к идеям 1789 г., когда прогрессивные люди желали видеть всюду республику и указывали на эту форму правления как на одну-единственную, соответствующую желаниям и правам человечества. По словам П. А. Вяземского, теория сталкивается с действительностью и теория редко оказывается победительницей [3].

Не станем рассматривать вопрос об участии Александра в заговоре против отца: это отдельная и сложная проблема. Перейдем к новому этапу жизни Александра Павловича – царствованию. Вступление его на престол было встречено ликованием в обществе. Классическим примером настроения столиц стали слова поэта: «...дней Александровых прекрасное начало!» (А. С. Пушкин). Первые шаги молодого императора современники восприняли по-разному. Близкий друг и соратник А. Чарторыйский считал, что Александр «еще не совсем отрешился от прежних грез, к которым постоянно обращались его взоры. Но... он отступал перед силой обстоятельств, не обнаруживал господства над ними, не отдавал еще себе отчета во всем объеме своей власти и не проявлял умения применить ее на деле» [4]. Это наблюдение, возможно, и было верным, но лишь отчасти. Не будем забывать, что Александр I очень жестко проявил себя по отношению к участникам заговора против Павла I, возведших самого Александра на престол. В ссылку был отправлен граф Пален – инициатор заговора, Зубов оставлен в столице лишь по причине полной неспособности к самостоятельным действиям. В контексте произошедшего очень интересным выглядит наблюдение Ф. Ф. Вигеля, отмечавшего, что этот «первый пример искусства и решимости нового государя... мог бы удивить и при Павле... Но Москва и Россия утопали тогда в веселии; сие важное происшествие едва было замечено» [5].

Таким образом, уже в первые дни царствования Александр проявил или противоречивость характера, или тонкий расчет и умение демонстрировать в нужный момент определенные грани своей личности. В дальнейшем император взялся за решение самых сложных проблем российской действительности, и начался так называемый «либеральный период», или «период реформ». Мероприятия правительства вызвали противоречивые оценки в обществе. В историографии отмечают группу «стариков» – сановников екатерининского времени, резко критиковавших Негласный комитет и самого Александра, и «молодых друзей» – сторонников нового курса. Н. И. Тургенев уточнил, что «в России преобразовательные планы императора Александра порой встречали протест не со стороны общественного мнения, не имевшего силы, а со стороны узкого круга» [6]. Первые разногласия возникли в период деятельности Негласного комитета по крестьянскому вопросу. Ф. Лагарп предупреждал о сложности проблемы и несоответствии идеальных мечтаний с грубой реальностью, что вызвало недовольство государя. Легальную оппозицию составлял и двор Великой княгини Екатерины Павловны.

Влияние именно этого круга оказывалось определяющим. Дело в том, что Александр I исходил из представлений века Просвещения, считая решающей силой общественное мнение. Видя сопротивление, как ему казалось, «большинства» общества, император остановился в самом начале пути и далее рассуждений и единичных мер не продвинулся. Он искал способных осуществить преобразования, но не всегда находил, по мнению П. А. Вяземского. Беседуя с С. Ш. Гуфье, император однажды сказал: «Иногда готов биться головой об стену, когда вижу, что меня окружают одни лишь себялюбцы ..., думающие лишь о собственном возвышении и карьере» [7].

Увлечение идеями и последующее охлаждение на пути их возможной реализации стало особенностью действий Александра. Подобный стиль правления вызвал недовольство у части общества, императора стали осуждать за двуличие. Он стал восприниматься как человек непоследовательный, нерешительный, хитрый и лукавый. Ярким примером подобных оценок могут стать строки, написанные А. С. Пушкиным в 1829 г.:

Недаром лик сей двуязычен,
Таков и был сей властелин;
К противоречиям привычен,
В лице и в жизни арлекин [8].

Другой современник, Н. М. Карамзин, рекомендовал государю «быть осторожнее в новых государственных творениях, стараясь ... думать более о людях, нежели о формах» [9], и призывал к долгому кропотливому труду, а именно этого менее всего желал Александр. Столь суровая оценка деятельности молодого императора была возможна лишь из уст умудренного опытом историка, близко знавшего императора.

Для большинства же он оставался тем, кем хотел казаться. Очень показательным в данном контексте может быть отрывок из воспоминаний светской дамы: «Эта тонкая разборчивость, только ему одному сродная, и весь он, с его обаятельной грацией и неизъяснимой добротой, невозможными ни для какого другого смертного, даже для другого царя ... я с ним заговорила, как с ... обожаемым отцом!» [10].

Бурные отклики в обществе получила внешнеполитическая деятельность Александра I. Заключение Тильзитского мира заставило многих современников задуматься о происходящем, о роли императора в этих событиях. А. Чарторыйжский в очередной раз отметил противоречивость и нестабильность во взглядах императора. Отсутствие внутренней убежденности в своих силах и представления о четком курсе были, пожалуй, главным препятствием на пути успешного царствования Александра I. В 1807 г. Чарторыйжский писал: «Император все тот же: страх и слабость достигли предела. Мы всего боимся, мы не способны сделать выбор ... Эта смесь слабости, неуверенности, страха, несправедливости, нелепости огорчает и доводит до отчаяния» [11]. Победа в войне 1812 г. была воспринята частью общества как заслуга императора. Поэты награждали государя эпитетами «Ангел небесный», «Ангел-хранитель», «Повелитель душ и сердец» [12]. Милонов восклицал: «Он благостью в свой век возвысил царский сан, Любимец и отец великого народа!» [13].

В то же время наблюдательные современники отмечали, что «император Александр перестал быть русским царем и превратился в императора Европы» [14]. Будущий декабрист писал, что передовая молодежь, «имевшая перед глазами великие события», с горечью и негодованием слушала похвалы иностранцам и оскорбления в адрес русских из уст государя. Император Александр, в Европе покровитель и почти корифей либералов, в России был не только жестоким, но, что хуже того, бессмысленным деспотом. Показательно, что подобные мысли выражали не только бунтари, но вполне мирные обыватели: «Двад-

цать пять лет его старания ... загнали чувство народности в последний, самый низший класс» [15].

Много размышлявший о ситуации в стране и событиях в Европе П. Вяземский отмечал, что императором движет одно «больное» честолюбие. Были и иные мнения о причинах неудач во внутренней политике: «Государь... после победы ужасался великой политической задаче, объем и значение которой были ясны... Приблизить к престолу народонаселение, угнетенное самими законами, ввести дворянство, избалованное произвольной властью, в границы справедливости и человеколюбия, затем определить пределы для собственной власти...» [16].

Рассуждения и споры как внутри правительства, так и в среде дворянства вызывал вопрос о крепостном праве и возможности освобождения крестьян. Одни видели в императоре единомышленника-освободителя, как, например, М. Ф. Орлов. Он писал в 1820 г. П. А. Вяземскому: «В монархе вижу отдаленное намерение, в себе и некоторых других обретаю страстное желание...» [17]. Другие же, напротив, отрицали в императоре человеколюбие и заботу о крестьянах: «Его величество использует освобождение крестьян в качестве повода, чтобы подавить единственный класс, который до сих пор сопротивлялся правлению тирании» [18].

Личность императора может быть воспринята более полно только в контексте эпохи в целом и внутриполитической обстановки в стране в частности. Вступив на престол после «золотого века» Екатерины и нескольких сложных лет правления Павла I, Александр столкнулся с финансовыми и внешнеполитическими проблемами, но острее всего он воспринимал отсутствие единомышленников в среде дворян и правительства. Он не увидел общего желания изменений, движения к европейским формам как в экономике, так и в политике. «Император Александр, родившийся с драгоценными задатками самых высоких доблестей и отличных дарований, рано сознавал себя особняком и стал испытывать чувство одиночества... сердце его затворилось для действительности и стало втихомолку питаться философическими химерами того века...» [19]. Именно этим завершилось долгое царствование Александра I.

Обратимся к современникам, которые подвели некоторые итоги царствования Александра I. Прежде всего тогда и сейчас многих интересовал вопрос о причинах отказа императора от реформаторских планов. В литературе высказывались различные суждения – от причин сугубо личного характера до сомнений, что реформы вообще имели место в дея-

тельности молодого государя. П. Вяземский писал, что Александр «желал быть преобразователем и, вероятно, был бы им, если бы внешние обстоятельства не воспрепятствовали ему». Войны, Наполеон, конгрессы, по мнению автора, «отвлекали государя от домашнего очага и домашнего хозяйства» [20]. Он также отмечал, что «...тоска по чем-то лучшем падает на долю одних избранных и возвышенных личностей... Эти свойства должны быть ему зачтены перед судом истории и потомства» [21].

Другое мнение высказал Ф. Вигель. Он сомневался, что правление Александра вообще могло привести к значительным изменениям либерального характера. Автор считал, что безрезультатность деятельности Александра вызвана образом мышления самого императора, который любил свободу как забаву ума. В свою очередь Адам Чарторыйжский многое приписывал мягкости характера Александра, которому всегда была свойственна какая-то женственность, со всеми присущими ей приятными, положительными и отрицательными чертами... В то же время он отмечал властные черты в характере своего молодого друга. Пламенные речи Александра о Конституции и счастье народа не обманули наблюдательного Чарторыйжского: «Он охотно согласился бы дать свободу всему миру при условии, что все добровольно станут подчиняться исключительно его воле» [22]. Н. И. Тургенев выразил несбывшиеся надежды современников при восшествии на престол императора: «Александр умер деспотом, но родился он, чтобы стать чем-то лучшим» [23]. Положительной оценки удостоился император от представителя «революционной традиции» в общественной мысли: по вступлении на престол в продолжение «12 лет он усердно подвизался для блага своего Отечества, и благие его усилия по всем частям двинули Россию далеко вперед» [24].

Таким образом, следует отметить, что современники оставили значительное количество материалов, в которых звучали рассуждения и оценки как личности императора Александра I, так и его правления в целом. Суждения авторов зависели от ряда причин: от их общественно-политических убеждений, положения в обществе, близости ко двору и государю.

В середине и второй половине XIX в. эпоха Александра I изучалась М. И. Богдановичем и Н. К. Шильдером. Еще слишком мало времени прошло с момента кончины императора Александра, чтобы стало возможным высказывать свое мнение о его царствовании. В то же время сочинения названных авторов представляют большую ценность,

поскольку доступ к секретным документам позволил им представить богатый и разнообразный фактический материал о деятельности Александра I.

М. И. Богданович большое внимание уделил внешней политике, так как с 1812 г. основное внимание императора было направлено на европейские дела. Богданович предпринял попытку дать характеристику личности царя и его курса преобразований. Он отмечал, что Александр I первоначально «был склонен к представительным формам правления как бывший ученик республиканца Лагарпа», но вскоре стало очевидным, что «ни обширность России, ни состояние нашего гражданского общества не позволяли осуществить его мечту» [25]. Итогом работы стал своего рода вывод о том, что Александр I сначала откладывал на время, а в конце правления полностью расстался с мыслью исполнить «созданную им утопию».

Значительный вклад в отечественную историографию темы внес Н. К. Шильдер. Следует отметить, что концепция этого автора на многие десятилетия и даже более определила подход к проблеме. Именно Шильдер первым предложил разделить царствование Александра I на два периода – реформаторский и реакционный (соответственно до 1812 г. и после 1816 г.). И по сей день большинство историков соглашаются с этой точкой зрения, лишь внося коррективы в хронологические рамки. Как отметил С. В. Мироненко, «эта концепция, а вместе с ней и общая оценка личности и политики Александра I как лицемерного и двуличного получили, как ни странно, широкое распространение на страницах учебников и многотомных изданий...» [26].

Таким образом, можно констатировать устойчивый интерес к личности и царствованию Александра I на протяжении всего XIX в. Он выразился в появлении значительного количества сочинений современников, принадлежавших к различным направлениям общественной мысли, а позднее – исторических трудов.

Различные мнения и оценки в целом приводят нас к пониманию закономерностей в развитии событий Александровской эпохи. Происхождение и воспитание, отсутствие четкой образовательной программы, обстановка в семье сформировали такой тип личности, который оказался не способен к решительным действиям и длительному напряжению сил. Недостаток воли в характере государя, несомненно, наложил отпечаток на темпы и направления преобразований в стране. Активная, мыслящая часть дворянства отстранялась от дел или вошла в состав тайных обществ. Ее настроения выразил П. А. Вяземский: «Из рядов пра-

вительства очутился я, неволью и не тронувшись с места, в ряду противников его. Дело в том, что правительство перешло на другую сторону» [27]. Возможность диалога власти и общества, столь ожидаемая в начале царствования, оказалась нереализованной.

Список использованной литературы

1. Чарторыйский А. Мемуары. М., 1998. С. 147.
2. Цит. по: Чулков Г. И. Императоры: Психологические портреты. М., 1995. С. 189.
3. Вяземский П. А. Мемуарные заметки // Державный сфинкс...: История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. М., 1999. С. 460.
4. Чарторыйский А. Указ. соч. С. 166.
5. Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1891. Ч. 1. С. 181.
6. Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 500.
7. Графиня София Шуазель-Гуфье. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе // Державный сфинкс. С. 545.
8. Цит. по: Чулков Г. И. Указ. соч. С. 211.
9. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 110.
10. Керн А. П. Воспоминания. Дневник. Переписка. М., 1989. С. 90.
11. Чарторыйский А. Указ. соч. С. 202.
12. Глинка С. Н. Царю-отцу // Русская поэзия 1813–1825 гг. М., 1990. С. 18–19.
13. Милонов М. В. Надпись к бюсту Александра I // Там же. С. 164.
14. Якушкин И. Д. Записки // Верные сыны Отечества: Воспоминания участников декабристского движения в Петербурге. Л., 1982. С. 48.
15. Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 31.
16. Граф Р. С. Эдлинг // Державный сфинкс... С. 226–227.
17. Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа: Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 222.
18. Цит. по: Предтеченский А. В. Записка Т. Е. Бока // Декабристы и их время. М.; Л., 1951. С. 196.
19. Граф Р. С. Эдлинг // Державный сфинкс... С. 165–166.
20. Вяземский П. А. Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 7. С. 435.
21. Вяземский П. А. Мемуарные заметки // Державный сфинкс... С. 463.
22. Там же.
23. Тургенев Н. И. Указ. соч. С. 519.
24. Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 93.
25. Богданович М. И. История царствования Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. 3. С. 33–34.
26. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 21.
27. Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / Сост. Н. Г. Охотина, вступ. ст. и прим. А. Л. Зорина и Н. Г. Охотина. М., 1988. С. 151.